

**Пейзаж как средство психологической характеристики персонажа
в романе А. Иванова «Географ глобус пропил»**

Ключевые слова: пейзаж, психологическая характеристика, контраст, параллелизм, «лишний человек».

В статье анализируется функция пейзажа в романе А. Иванова «Географ глобус пропил». Особое внимание уделяется роли пейзажа в раскрытии душевного состояния и мировоззрения главного героя произведения.

Пейзаж занимает заметное место среди литературных приемов отражения действительности и раскрытия характера героя. Если в прошлом пейзаж присутствовал в произведении лишь для того, чтобы информировать читателей о времени и месте событий, то сегодня он может быть как одним из главных сюжетообразующих факторов, так и выражением эстетического идеала писателя.

В. Хализев выделяет такие формы присутствия природы в литературном произведении: «*Это и мифологические воплощения ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения... и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи (фр. *rays* – страна, местность) – описания широких природных пространств*» [3, 225].

Размышляя о функциях пейзажа в произведении, Б. Галанов отмечает: «*В общем движении повествования пейзажу отводится разнообразная роль: обозначить время и место действия, создать определенное настроение, помочь проявиться каким-то существенным чертам в душевной жизни человека и в окружающей его действительности. Наконец в пейзаже и через пейзаж художник выражает свое чувство родины, свою к ней любовь*» [1, 185].

В своих произведениях А. Иванов с большой любовью описывает природу родного пермского края. Живописные пейзажи предстают перед читателями во всем своем могущественном величии. Бурные горные реки выступают в роли живых существ, наделенных своими особыми характерами. Опасные скалы становятся испытанием, проверяющим героев на выносливость.

Роман «Географ глобус пропил» изобилует картинами природы. Повествование построено на контрасте: серая однообразная провинциальная жизнь разворачивается на фоне сказочной и таинственной красоты пермских пейзажей. Сравним описание обычного дня из жизни персонажей («*Было воскресенье – день, когда водопроводчики отключают воду. По этой причине Надя раздражённо гроыхала на кухне тарелками, отмывая их из-под чайника. В комнате на письменном столе громоздились сцепленные проводами магнитофоны. Будкин, напялив наушники, что-то переписывал с одной касеты на другую. <...> На полу играла Тата: укладывала Пуджика в коляску*» [2, 25]) и описание природы («*Темнота словно бы поднималась из глубины земли, из глубины реки, как подпочвенная вода. Уже затлели искры бакенов на черной равнине Камы, а небо все еще оставалось светлым, и от этого всем было видно, как же оно высоко – так долго приходится добираться до него тьме. Но тьма все таки добралась и погасила небо, оставив лишь огни звезд – так во время прилива над водой остаются верхушки камней*» [2, 271]). Мы видим, что картины природы в произведении созданы настолько

масштабно, что на их фоне проблемы героев кажутся несущественными. Хаос окружающей действительности никак не может повлиять на природу – ее величие остается неизменным на протяжении веков. И лишь природа способна сохранить в себе историю. Проплывая по реке Урем, школьники видят в природе нечто большее: *«Отцы глядят по сторонам, точно рассчитывают увидеть то, что пропало. Но, конечно, ничего нет. Только голый кособок с трухлявыми бревнами, черный ельник, глухое урочище, старая пристань на берегу пустынной реки, посреди безлюдных таежных путин. <...> То, что раньше нам казалось здесь страшной глухоманью, дремучей дикостью, угрюмой угрозой, на самом деле было печалью, невысказанной болью, неразделенной любовью»* [2, 386].

Виктор Служкин всегда находился в дисгармонии с социумом. Он столкнулся с непониманием, потому что чувствовал себя «лишним человеком». Но он всегда находился в гармонии с природой. Он ощущал единение с природой с самого детства: *«Здесь у меня прошло детство. Это для вас – тех, кто приехал жить в новостройки, – “Речники” пустой звук, затон вроде заводского склада, а домишки эти – бараки. Для нас же всем этим мир начинался, а продолжался он – Камой... И поэтому Кама, затон – для меня словно бы символ чего-то... Живем мы посреди континента, а здесь вдруг ощущаешь себя на самом краю земли, словно на каком-нибудь мысе Доброй Надежды...»* [2, 239].

Но не все герои способны видеть красоту природы. Надя, Будкин, Ветка, Кира – они не понимают ее, не чувствуют. Другое дело – Географ. Только человек, трепетно относящийся ко всему живому, может изучать биологию, сделать ее своей профессией. Он утверждает, что *«в природе всюду разлитое чувство»* [2, 240]. Ему кажется, что она способна научить гораздо большему, чем человек. Природа становится советчиком Служкина, его верным товарищем. Часто, она помогает Географу понять самого себя: *«Дождь постукивает меня в голову, словно укоряет: дурак, что ли? Дурак. Раз напился, так, конечно, дурак»* [2, 333].

Богатство внутреннего мира Географа раскрывается через его восприятие природы. Автор использует прием параллелизма: природа будто перенимает и повторяет состояние героя. Например, когда, на третий день похода, утром, Служкин ощущает похмелье, погода вторит его болезненному самочувствию: *«Я просыпаюсь в таком состоянии, словно всю ночь провисел в петле. Еще не открыв глаза, я вслушиваюсь в себя и ставлю диагноз: жестокое похмелье. О господи, как же мне плохо... Все еще спят. Я вываливаюсь из палатки на улицу. Холодно, как в могиле. Моросит. Стена Семичеловечьей покрыта морщинами, словно скала дрожала от стужи, когда застыла. Над затопленным лесом холодная полумгла. Где вчерашнее небо, битком набитое звездами? Сейчас оно белыми комьями свалено над головой»* [2, 332–333]. Кроме того, природа становится средством выражения психологического состояния героя: *«Похмелье, плохая погода – они не только в моем теле, не только в природе. Они в душе моей. Это у души трясутся руки и подгибаются ноги. Это у нее мутно в голове и ее тошнит. Это в ней идет дождь и холод лижет кости»* [2, 333].

Через пейзажные описания раскрываются и мировоззренческие позиции героя. Например, гуляя с Машей по затону, Служкин говорит: *«И вот с детства у меня к рекам такое отношение, какое, наверное, раньше бывало к иконам. В природе, мне кажется, всюду разлитое чувство, но только в реках содержится мысль...»* [2, 240].

Мы находим в произведении описание двух рек. Автор наделяет их человеческими характерами. Бурному, неуправляемому течению Поньша противопоставлена величественная гладь Ледяной: *«Поньш был диким, свирепым, первобытным. Он был словно только что создан природой и брошен на землю, не готовую его принять. Он бурлил, бился в скалы, топил леса, пер напрямик, выворачивал деревья. А Ледяная совершенно иная. Глубокая, спокойная и ровная вода мерно и мощно идет в крепких берегах.*

Ложь реки емкое, и половодье не переливается за края, смешивая твердь и хляби. Здесь все кажется движущимся по прочному, надежному, многократно себя оправдавшему порядку. На Поныше весна была катастрофой. На Ледяной весна – величественный, издревле ведущийся ритуал» [2, 361]. Одним из мотивов произведения является суть реки. У каждой из этих рек свое предназначение, своя история. Их дуэт иллюстрирует человеческую жизнь: нужно преодолеть все препятствия, подготовленные водами дикого Поныша, чтобы войти в умиротворенное течение благородной Ледяной. Впоследствии Служкин замечает, что во время сплавления по этим рекам он с «отцами», будто прошел путь становления человечества.

Ледяная больше привлекает Географа, потому что характер реки сходен с характером героя. Ее природа располагает к созиданию, приносит вдохновение: *«Даже снег здесь лежит картинно – накрахмаленными скатертями полян, дворцовой лепниной еловых лап, яркой чеканкой и тонкой гравировкой куржаса на рубчатых, грубых, бугристых стенах утесов. На Поныше все было как попало, а здесь – как положено»* [2, 361]. Именно Ледяной Служкин посвящает свои стихи:

*«Ветхий храм на угоре ветреном...
Рваный храм на валунной пристани...
И погост небо предрассветное
Палых звезд осыпает искрами.
В города уезжать не хочется.
Навсегда распрощаться – просто ли?
Нам с тобой дарят одиночество
Ледяной голубые росстани»* [2, 241].

Стихотворение пронизано мотивом одиночества. В природе Географ находит понимание, которого ему так не хватает в человеческом обществе. Именно природа – единственное, что осталось с героем в финале романа: *«Прямо перед ним уходила вдаль светлая и лучезарная пустыня одиночества»* [2, 444].

Масштабные, величественные пейзажи противопоставлены в романе ограниченности окружающей действительности. И лишь человек широкой души способен оценить их: *«В траве повсюду, как горошины, разбросаны бледные подснежники. <...> Я набираю целый пучок полупрозрачных, нежных, еще помнящих морозный морок колокольчиков. Сердце мое словно оголяется от их застенчивой, неброской красоты»* [26, 386]. К тому же, Географ чувствует свое родство с природой. Он замечает, что является «малым подобием» самой земли, ведь старается сохранить в себе чистоту, которую веками хранит в себе природа. В конце романа, вспоминая весь пройденный путь, Географ наконец формулирует для себя смысл похода: *«Мы проплыли по этим рекам – от Семичеловечьей до Рассохи – как сквозь судьбу этой земли, от древних капищ до концлагерей. <...> И я чувствую, что я не просто плоть от плоти этой земли. Я – малое, но точное ее подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души»* [2, 422].

Таким образом, можно сделать вывод, что пейзаж в романе А. Иванова выполняет психологическую функцию. С помощью описаний природы автор передает душевное состояние героя, помогает читателю постичь его внутренний мир, а также демонстрирует исключительность Служкина в ряду остальных персонажей произведения. Однако природа живет, чувствует, переживает точно так же, как и главный герой, то есть выступает персонифицированно, личностно, а не просто как природно-ландшафтный фон или среда действия. Это позволяет нам причислить ее к числу самостоятельных персонажей, а иногда даже увидеть в ней лирического соавтора романа.

Літэратура

1. Галанов, Б. Живопись словом. Портрет. Пейзаж. Вещь / Б. Галанов. – М. : Советский писатель, 1974. – 343 с.
2. Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 448 с.
3. Хализев, В. Е. Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2004. – 405 с.

A. V. Dudka

Lugansk National University named after Taras Shevchenko
e-mail: anastasiya_vladimirovna@mail.ua

Landscape as a means of psychological characterization of the character in the A. Ivanov's novel "A Geographer Who Drank a Globe Away"

Keywords: landscape, psychological characteristic, contrast, parallelism, "superfluous man".

The article analyzes the function of the landscape in the A. Ivanov's novel "A Geographer Who Drank a Globe Away". Particular attention is paid to the role of the landscape in revealing the state of mind and worldview the main character of the novel.

А. М. Дулаў, Ю. У. Дулава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: dulov_78@mail.ru; jul_dulova@mail.ru

УДК 811.161.3'373:535:821.161.3-3

Люксонімы ў аповесці Уладзіміра Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха”

Ключавыя словы: светлавая лексіка, люксонім, мастацкая задума, партрэтная характарыстыка, пейзаж.

Вызначана роля люксонімаў у раскрыцці мастацкай задумы ў аповесці Ул. Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха”. Здзейснены колькасны аналіз светлавой лексікі ў разрэзе часцін мовы, а таксама высветлена значэнне люксонімаў у стварэнні вобразаў герояў, апісаннях прыроды і інтэр’ераў.

У 2020 г. адзначаецца 90-годдзе з дня нараджэння Уладзіміра Караткевіча (1930–1984) – класіка беларускай літаратуры, стваральніка высокакаснай гістарычнай прозы. “Гэта проза вызначаецца рамантычнай акрыленасцю і жыццёвай дакладнасцю, мастацкай культурай і патрыятычным пафасам, надзвычайнай пазнавальнасцю і гуманістычным зместам” [2, 3]. Творы пісьменніка адкрываюць чытачу сапраўдную беларускую мінуўшчыну – велічную, гераічную і ў той жа час трагічную, абуджаюць нацыянальную самасвядомасць. Аднак Ул. Караткевіч быў не проста пісьменнікам-гісторыкам, бо ў сваіх кнігах заўсёды шукаў тыя масткі, што лучаць дзень сённяшні з днём мінулым. У гэтых адносінах не з’яўляецца выключэннем гістарычна-дэтэктыўная аповесць “Дзікае паляванне караля Стаха”, якая пастаноўкай “вечных” пытанняў набліжаецца да твораў сацыяльна-філасофскіх.

“Мастацтва ўспрымаецца не адным толькі розумам, але пачуццямі, асацыяцыямі, рэфлексамі, цэлым комплексам вельмі складаных адчуванняў, іншы раз падсвядомых.